

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

“...КОГДА ИМЕЕШЬ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ГЕНИЯ”

К 200-летию кончины М. И. Кутузова

Отгремели литавры, возвестившие 200-летие со дня Бородинской битвы – великого сражения, которое до сих пор вызывает множество споров среди историков и огромный интерес новых поколений наших соотечественников. Не случайно его называют крупнейшим сражением в истории XIX века.

Кто же столкнулся на лесистых просторах Подмосковья? Франция и Россия? Нет! Столкнулись две идеологии: неуёмная жажда покорять, которая вела выдающегося полководца, страстного властолюбца Наполеона Первого, и нежелание поступиться свободой, направлявшее русского императора Александра Первого.

Но был и ещё один позыв к действию: Наполеон не случайно тщательно готовился к войне с Российской империей, с её первопрестольной столицей. Ему нужно было унижить поражением именно Москву, которая на протяжении нескольких столетий – со времён Ивана Великого – полагала себя Третьим Римом, преемником Византийской империи. Москва – международный центр православия, – а не Санкт-Петербург – столица России – перекрывала Наполеону путь к короне императора *Всеевропейской* империи – такова настоящая причина войны Наполеона против России.

Менее всего Бонапарт хотел затяжной войны. Его устраивал блицкриг: стремительный удар по России, разгром армии, принуждение императора к миру. И, в качестве компенсации за вынужденный союз, набор в России сотысячного войска для усиления французской армии. В планах императора был резкий поворот к югу, поскольку у него теплилась надежда на сотрудничество с Южной Россией, разгром турецкой армии и захват Константинополя. Таким образом, он должен был восстановить единство Римской империи. Свои войска, которые были разбросаны по Италии, Иллирии, Ионическим островам, он дополняет свежими батальонами, набранными в Европе, и захватывает Египет. А затем проникает через Малую Азию в Индию и лишает чопорную английскую корону одного из её драгоценных камней. Грандиозный замысел гениального стратега. Но на пути реализации этого замысла стояла Российская империя.

К лету 1812 года наполеоновские батальоны составляли более чем полумиллионное войско, а русские армии, состоявшие из немногим более чем двухсот тысяч человек, в момент вторжения стояли далеко друг от друга. Бонапарт решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Но рус-

ские полководцы Барклай-де-Толли и Багратион, умело маневрируя, основательно огрызаясь от наседавшего противника, всё же соединили свои армии под Смоленском. Самоотверженность, с которой русские войска сражались тогда, поразила французского вождя и его воинов. Дело запахло большой кровью.

План императора Александра по завлечению войск Наполеона вглубь необъятных просторов России, добросовестно выполняемый военным министром Барклаем де Толли, стал приносить свои плоды. Коммуникации великой наполеоновской армии, растянувшиеся на тысячи километров, легко прерывались летучими отрядами казаков или восставшими крестьянами. У французов не было никакой невозможности покупать продовольствие для солдат и фураж для лошадей у местного населения. И напрасно по приказу Наполеона были отпечатаны фальшивые ассигнации на сумму полтора миллиона рублей. Раздражало императора Франции и появление по пути следования его войск партизанских отрядов: он считал, что война идёт *не по правилам*. Ещё 1 июля он посылает в Петербург письмо, вежливое по форме, но циничное по содержанию: “Теперь между нами война. И даже сам Господь не сможет исправить содеянного. Но я всегда готов к предложениям о мире...”

Но предложений о мире не поступило. Более того, на каждое послание, переданное дипломатическим путём или через посредников, ответом было пугающее молчание.

“История династии Романовых, – пишет английский исследователь Р. Ф. Делдерфилд, – богата эксцентричными и загадочными царями, но Александр был, наверное, самой большой загадкой из всех. Никто, даже такой признанный психолог, как Наполеон Бонапарт, не мог понять его характера ни с момента их первой встречи на плоту в Тильзите, ни в тот день, когда царь, возглавляя победоносные эскадры, вступившие в Париж, нанёс визит вежливости бывшей жене своего противника”.

Поразительной была уверенность русского императора в правоте своих действий. И эта твёрдость в трагических обстоятельствах находила ему союзников в гражданском обществе того времени. Но кроме решительности и настойчивости, он обладал ещё и умением анализировать. И потому уступил желанию петербургского и московского дворянства сменить главнокомандующего Барклая де Толли, которого они упрекали в предательстве национальных интересов России. Так 67-летний отставной генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов, ученик бессмертного Суворова, возглавил освободительное движение российского народа, направленное к изгнанию “двунадесяти языков” из пределов Отечества.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, происходил из древнего рода. Я давно заметил, что многие славные русские фамилии ведут свою родословную от героев знаменитой битвы 1240 года. Сколько родов пошло от сыновей Александра Невского! А если прибавить к ним Пушкиных, Бобринцевых-Пушкиных, Исленьевых, Плещеевых, Тютчевых, Каменских, Бутурлиных, Воронцовых, Аксаковых, то станет ясно, что практически вся отечественная элита восходит к воинам святого благоверного князя. Вот и многочисленное племя Кутузовых (Голенищевы – от голени. Видимо, кто-то из предков был длинноногим) происходит от знаменитого новгородского воина Гаврилы Олексича по прозвищу Прокша. И немудрено, что этот род дарил России государственных деятелей, воинов, среди которых ярчайшей звездой на отечественном небосклоне горит имя Михаила Кутузова. Совсем не случайно знаменитая писательница мадам де Сталь писала, что генерал-фельдмаршал “...повлиял на судьбу мира, как никто не влиял со времён Карла V”.

Отец его, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов (Кутуз – в переводе с тюркского означает “вспыльчивый, бешеный” – так называли отважных бойцов), потомок родовитых дворян, был прекрасным военным инженером и вышел в отставку в чине генерал-поручика. Мать его, по одной версии (историков Ф. Синельникова, Д. Бантыш-Каменского и В. Балязина), принадлежала к роду дворян Беклешовых, по другой – тот же Д. Бантыш-Каменский, Ф. Опочинин и П. Долгоруков – к известной фамилии дворян Беклемишевых. Последняя версия может быть дополнена предположением, что из этого же рода вышла и мать князя Дмитрия Пожарского (князь П. Долгоруков), а другой известный историк, князь А. Лобанов-Ростовский, приводит свидетельство того, что внучатая племянница Козьмы (Кузьмы) Минина – другого народ-

ного героя 1612 года – в начале XVIII века вышла замуж за одного из Голенищевых-Кутузовых, но имя и отчество его не известны. Не были известны долгое время имя и отчество матери Кутузова. Это открытие совершил ленинградский историк Ю. Яблочкин. К сожалению, Анна Илларионовна умерла вскоре после рождения младенца, а его брата, сестёр Анну и Дарью воспитывала бабушка, мать Иллариона Матвеевича.

Родился Михаил Илларионович 5 (16) сентября 1745 года (по другим данным – на два года позже. См.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. *Фельдмаршал Кутузов*. – С. 18–19). После окончания с отличием Артиллерийской и инженерной дворянской школы (1759), где работали незаурядные преподаватели М. И. Мордвинов, Я. П. Козельский и знаменитый прадед Пушкина А. П. Ганнибал, он был оставлен преподавателем в ней, а 1 января 1761 года пятнадцатилетний прапорщик был переведен в войска.

Так началось его более чем пятидесятилетнее служение России.

1 марта 1762 Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был назначен флигель-адъютантом ревельского (Таллин) военного губернатора принца Петра-Августа Гольштейн-Бекского, который был родственником воцарившегося императора Петра III. Здесь шестнадцатилетний офицер познакомился с ближайшим окружением императора и, что очень важно, с его супругой, которая в следующем году совершила дворцовый переворот и стала императрицей Екатериной II. На счастье и благо Российского государства 21 августа 1762 года штаб военного губернатора расформировывается, и семнадцатилетний капитан определяется командиром роты Астраханского пехотного полка под командованием двадцатидвухлетнего полковника Александра Васильевича Суворова. Так судьба свела двух выдающихся русских полководцев, и дружба их прошла все суровые испытания до конца их жизни.

Историки свидетельствуют, что сохранился формулярный список от февраля 1763 года, где молодой полковник Суворов так отзывается о деятельности юного командира роты: “В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинской экзерцицы обучает порядочно и к сему тщанье имеет, лености ради больному не рапортовался и во всё время ведёт себя так, как честному обер-офицеру подлежит и как по чину своему опрятен, так и никаких не порядков не происходит... чего ради по усердной его службе к повышению чина быть достоин”.

Первое военное дело, в котором участвовал Кутузов, произошло 28 июня 1764 года. Это был бой с конфедератами князя Радзивилла в Польше (часть Кутузова пробыла там около года). С апреля 1769 года он снова служил в Польше, в Смоленском пехотном полку, который входил в бригаду Суворова. Позднее он рассказывал одному из адъютантов о своих впечатлениях того времени: “Мы жили очень весело, дрались с поляками, но войны я ещё не понимал”. Понимание это придёт несколько позже, когда Кутузов весной 1770 года окажется в Молдавии в армии генерал-аншефа П. А. Румянцева.

Турция, объявив России войну, уже полтора года вела активные действия. Кутузов был направлен на фронт для службы при штабе. Здесь он накопил опыт организации войск перед сражением, строительства укреплений, да и всей механики развития военных действий. Под руководством инженер-генерала Ф. В. Бауэра молодой офицер приобрёл не только навыки штабной работы, но и умение действовать в неожиданных ситуациях, которые складываются в зависимости от обстановки боя. Кутузов в течение одного месяца (июнь–июль 1770 года) участвовал в важнейших сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле и получил за мужество и храбрость первый штаб-офицерский (старший) чин. В этих боях мыслящий офицер мог анализировать ход сражений, движение крупных воинских частей, действие артиллерии, взаимодействие её с пехотой, наблюдать умелое руководство армией выдающегося военачальника Румянцева. Эти уроки пошли молодому офицеру впрок. Он жадно вбирал в себя живые впечатления от происходящего.

26 июля дивизия князя Н. В. Репнина вошла в стратегически важный турецкий город Измаил. Для проведения там фортификационных работ был направлен и Кутузов. В городе он встретился со своим отцом, инженер-генерал-майором Илларионом Матвеевичем Кутузовым. Вместе они создавали укрепления в городе и в крепости. И, конечно, Михаил Илларионович даже в страшном сне не мог себе представить, что через двадцать лет он будет штурмовать Измаил.

Осенью Кутузов участвовал в сражении при Попештах и за “отличную храбрость” был представлен к чину подполковника. Вскоре по приказу фельдмаршала Румянцева Кутузова переводят в Крымскую армию под началом генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова. Боевые действия здесь начались только 22 июля 1774 года, когда турецкая эскадра Гаджи Али Бея высадилась около Алушты. Необходимо было сбросить в море этот восьмидесятысячный десант, что и сделалось восьмидесятысячный отряд генерал-поручика В. М. Мусина-Пушкина. Гренадёрский батальон Московского легиона возглавлял Кутузов. Он геройски действовал на левом фланге при отчаянном штурме селения Шумы. Князь Долгоруков отмечал: “Подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадёрский свой батальон, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат”. Такая похвала говорила о выдающихся командирских способностях молодого офицера. В этом бою вражеская пуля вошла в левый висок Кутузова и вышла у правого глаза. Такое ранение врачи считали смертельным. Но могучий организм Кутузова выдержал тяжкое испытание. К счастью, глаз не вытек, хотя зрение и ослабло.

С 1 января 1776 года Кутузову был предоставлен годичный отпуск “для излечения ран к тёплым водам... без вычета жалования”. Императрица Екатерина Великая подарила отважному воину тысячу червонцев и наградила его первым орденом: Георгием четвёртой степени. Ее слова можно считать пророческими: “Надо беречь Кутузова. Он будет у меня великим генералом”.

Во время своего лечения примерно в 1776 году (точной даты, к сожалению, нет) состоялась свадьба храброго воина с молодой двадцатилетней красавицей Екатериной Ильиничной Бибиковой, дочерью военного инженера генерал-поручика И. А. Бибикова. Этот брак был долгим и счастливым, несмотря на все испытания, которые приготовила им судьба. У них было пять дочерей, но мальчик-первенец погиб по вине няньки.

28 апреля 1777 года Кутузов вернулся из отпуска и через два месяца – по представлению генерала Суворова – указом императрицы был произведён в полковники и назначен командиром Луганского пикинерского полка (пика – основное вооружение таких полков), где и прослужил благополучно шесть лет, сделав свой полк образцовым. В 1782 году Кутузов за активные действия по умиротворению восставших крымчан получил чин бригадира (чин, промежуточный между полковником и генералом). А уже через год он стал генерал-майором по представлению выдающегося деятеля екатерининской эпохи, всесильного фаворита императрицы Г. А. Потёмкина, только что присоединившего к России древнюю Тавриду. Крымское ханство, последний побег приснопамятной Золотой Орды, было окончательно сокрушено русской армией. Понадобилось ещё триста лет после великого противостояния на Угре, когда хан Золотой Орды Ахмат потерпел от Ивана Великого поражение, чтобы вечный враг наш, грабивший города и веси, уводивший в полон на продажу молодёжь русских племён, был уничтожен совершенно.

В августе 1785 года генерал-майор Кутузов стал командиром Бугского егерского корпуса, расположенного вдоль Буга. Но война с Турцией, разразившаяся уже через два года, вернула его в знакомые места. Здесь он снова встретился с Суворовым, который был уже в чине генерал-аншефа. Родственные души их сблизились ещё больше за время совместной службы. Доверял Кутузову и Потёмкин. Князь писал генералу по поводу его разумных военных действий: “Ваша распорядительность и искусство меня совершенно обеспечивают, и я с надеждою полагаюсь на ваше бдение”.

Вскоре корпус Кутузова перебросили к Очакову. 18 августа 1788 года турецкие отряды сделали вылазку, чтобы захватить одну из русских батарей правого фланга, но встретили упорное сопротивление егерей. Кутузова, который был среди егерей, снова тяжело ранили в голову. Бельгийский принц де Линь, служивший в русской армии, обречённо писал своему другу – австрийскому императору: “Вчера опять прострелили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра он умрёт”. Но пуля, к счастью, не задела никаких важных мышц или нервов. Лечащий врач удивлялся: “Надобно думать, что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельная”. Мудрый эскулап был недалёк от истины. Небесный покровитель его Архангел Михаил берёт полководца для великого дела.

Через три месяца он вернулся в армию и даже принимал участие в штурме Очакова.

Бугский корпус под началом Кутузова охранял, по сути, всю западную границу России — от Польши до Турции. После того, как Потёмкин возглавил соединённую (Украинскую и Екатеринославскую) армию, начались активные боевые действия против турок. Кутузов показывает здесь все свои способности: он наблюдает за движением турецкого флота, сообщая точнейшие сведения, засылает агентов на вражескую территорию, то есть проводит глубокую разведку, вступает в схватку с турецкими отрядами. Его похвальное радение о благе Отечества не остаётся незамеченным, и в течение полугода его награждают двумя орденами. В августе и сентябре 1790-го генерал совершает кавалерийские рейды, причиняя неприятелю большие хлопоты, а в сражении при Каушанах захватывает в плен турецкого генерала — бунчужного пашу. Вскоре его войска участвуют во взятии Аккермана, а 3 ноября входят в Бендеры. Но на пути русских войск стояла грозная крепость Измаил.

25 ноября Потёмкин писал Суворову: «Измаил остаётся гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано через флотилию, но всё же вяжет руки для предприятий дальних». Графу Суворову-Рымникскому поручалось взять Измаил. Суворов приехал к войскам 1 декабря, а уже 11-го (за десять дней были организованы все приготовления к штурму) в пять утра 6 колонн выступили на взятие города-крепости. Шестой колонной командовал Кутузов. Ему предстояло взять два бастиона и Килийские ворота Измаила. Штурм был ожесточённый. Турки сражались с мужеством обречённых. «Век не увижу такого дела, — писал на следующий день своей жене Кутузов. — Волосы становятся дыбом. Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках...» Дважды во время штурма противник отбивал атаки батальонов Кутузова. В это время от Суворова прибыл офицер, чтобы поздравить генерала *со взятием крепости и назначением его комендантом оной*. Более того, Суворов извещал, что послал донесение об этом императрице...

Измаил пал. Кутузов спросил генерал-аншефа, почему он так поступил. Суворов ответил: «Я знаю Кутузова, а Кутузов знает меня. Я знал, что Кутузов будет в Измаиле, а если бы не был взят Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Кутузов также». Красноречивое свидетельство, говорящее о том, как надеялся Суворов на своего друга, как доверял ему, какое великое чувство любви к Родине объединяло их сердца! За эту *викторию* полководец получил от Екатерины Великой *третью степень Георгия* и чин генерал-поручика.

Суворов высоко ценил своего друга не только за воинские успехи, но и за бытовые хозяйственные дела. В письме к своему старинному приятелю Осипу Михайловичу де Рибасу он писал: «Наш друг Кутузов не знает равных в трудолюбии и неустанно печётся о порядке».

1791 год был ознаменован ещё тремя победами, в которых Кутузов проявил своё воинское мастерство, уничтожая превосходящие силы противника. За победу при Бабадаге Михаил Илларионович получил орден Святого Александра Невского, а за победу при Мачине — орден Святого великомученика и Победоносца Георгия второй степени.

Турецкая кампания закончилась победой России. Крым по Ясскому договору 1791 года был признан территорией Российской империи. К ней же отошли новые земли между Днестром и Бугом. Россия взяла под свою опеку православную Грузию, правители которой сами просились под покровительство российского монарха. Под защитой её оказались все православные христиане, жившие на территории Османской империи: сербы, болгары, румыны, греки, армяне, черногорцы и люди иных национальностей, исповедующие православие, что имело благотворные последствия для их существования и развития. Кроме того, Россия сохранила за собой право беспрепятственного плавания по Чёрному морю и свободу торговли в турецких владениях.

25 февраля 1792 года Екатерина подписала манифест «для обнародования во всём государстве о šťastливом совершении вечного мира между Всероссийскою Империею и Оттоманскою Портою». А 12 ноября Кутузова вызвали в Петербург для встречи с императрицей. Новое назначение его было полной неожиданностью не только для боевого генерала, но и для всего царского двора. Вот что писал один молодой дипломат своему опытному коллеге: «Императрица вчера назначила... Кутузова послом в Константинополь. Никто не ожидал подобного выбора, так как он хотя человек умный и храбрый генерал, но, однако, никогда его не видели использованным в делах политических».

И полководец Кутузов предстал перед мировой дипломатией в новом качестве.

Чрезвычайному и Полномочному послу Российской Империи в Порте Оттоманской М. И. Голенищеву-Кутузову вменялось в обязанности многое. Но главным было всё же поддержание длительного мира с Турцией, ослабление антирусских настроений во внешней политике её, сдерживание реваншистских сил турецкого общества, которые могли повлиять на султана, "... магия его самолюбия надеждою возратить области, оружием нашим завоёванные и многими договорами на вечные времена к империи нашей присоединённые" (из рескрипта Екатерины Великой). А также вовлечение Турции в союз европейских держав против Франции. Мудрая правительница России, высоко ценившая полководческий талант Кутузова, понимала, что в этот момент в Константинополе нужен не светский человек, а генерал, который своим присутствием напомнит о победах русского оружия в недавней войне.

Надежды, возложенные императрицей на нового посла, полностью оправдались. Кутузов оказался дипломатом обходительным в манерах, но твёрдым в принципах. Он сумел разобраться в сложнейших вопросах международного положения, основательно изучить состояние турецкой экономики, армии и флота, настроения внутри общества. Это дало ему веские основания делать прогнозы, впоследствии подтвердившиеся. Так, в 1793 году активно нагнетались слухи о начале военных действий против России со стороны Турции. Кутузов убедительно отрицал это. В письме Суворову от 16 января 1794 года он писал: "... по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся её крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот её не силён; предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще сего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи... Все сии причины должны воздержать её, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для неё пагубной крайности".

Вне сомнения, Кутузов многое сделал для того, чтобы эта война не началась в невыгодных для России условиях. Он не только улучшил взаимоотношения двух стран, но и добился важного права нашим судам плавать в районе Архипелага и заходить в турецкие порты. Свою миссию он выполнил. Ещё 20 декабря к нему пришло сообщение из Петербурга о предполагаемом выезде через месяц турецкого посла из нашей страны. Русский посол начал подготовку к сдаче документов В. П. Кочубею.

В России императрица приготовила для своего любимца новое поле деятельности: "Нашему генерал-поручику Михайле Голенищеву-Кутузову всемилоостивейше повелеваем быть главным директором Сухопутного кадетского корпуса под собственным нашим ведением". Так гласил её Указ.

И в этом виде деятельности Кутузов проявил себя умелым организатором, думающим педагогом и реформатором. Его усилия не пропали даром: в корпусе были введены новые дисциплины – тактика и военная история, улучшилась подготовка будущих офицеров, укрепилось финансовое положение учебного заведения. Много сил отнимали и хозяйственные вопросы. И всё-таки он не тяготился новыми обязанностями, которые дополнительно наложило на него правительство, назначив командующим сухопутными войсками в Финляндии.

После двухлетней войны со Швецией, развязанной Густавом III 21 июня 1788 года и не приведшей ни к каким результатам, следовало ожидать нового нападения, потому существовала настоятельная необходимость позаботиться о приграничных крепостях и иных укреплениях на границе. Этим и занимался военный инженер Кутузов со всем усердием, свойственным ему, пока 25 декабря 1797 года не получил от императора Павла дипломатическое поручение возглавить русскую миссию в Берлин в связи с восшествием на королевский престол Фридриха Вильгельма III. Генералу, уже проявившему себя на дипломатическом поприще, поручалась весьма деликатная задача: подготовить почву для привлечения Пруссии к союзу против республиканской Франции.

Князь Куракин так оценивал его возможности: "При его уме и способностях, нам известных, должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и с прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу..." Кутузову удалось добиться расположения молодого короля и укрепить дружественные отношения с Пруссией. И 18 марта 1798 года он, уже в чине генерала от инфантерии (полного генерала. – А. П.),

выехал в Выборг к месту службы в должности инспектора Финляндской дивизии (командующего военным округом. — А. П.). Круг его задач на новом посту был широк: от переговоров о демаркации русско-шведской границы до расписания казачьих постов по всей границе. Генерал от инфантерии достойно представлял интересы империи и здесь, на севере России.

К концу XVIII века заграничные русские армии, помогавшие Европе отбиваться от агрессии революционной Франции, потерпели поражение по причинам, не зависящим от их боеспособности. 8 сентября 1799 года в Голландии генерал Герман был разбит в сражении под Бергеном и попал в плен к французам. После серии блистательных побед в Италии над лучшими генералами Франции, заманенный против своей воли в Швейцарию, Суворов со своими чудо-богатырями совершает невиданные для человеческой природы усилия и вырывается из каменного альпийского мешка, спасая честь России и доблестных войск своих.

Император Павел был глубоко разочарован в европейских политиках, а потому отозвал свои корпуса в Россию и разорвал союз с Англией и Австрией. Для укрепления западных границ империи он создал три армии. Одну из них возглавил М. И. Кутузов — император назначил его Литовским военным губернатором и инспектором инфантерии Литовской и Смоленской инспекций. В январе к этим обязанностям добавилась ещё одна: “иметь начальство и по гражданской части”. Губернатор уделяет много внимания не только боеспособности армии, её повседневной жизнедеятельности, но и улучшению пограничной службы. Его старательность и умение командовать войсками, продемонстрированное на учениях в Гатчине, позволили царю назвать Кутузова “величайшим полководцем нашего времени”. Павел I приблизил его к своей особе.

К середине 1800 года император начинает сближаться с Францией и разрывает дипломатические отношения с Англией. Тому были свои веские причины. Назревал конфликт с первой державой Европы. Павел I принял предложение Наполеона (важное для Франции и авантюрное для России) об экспедиции русских войск в Индию и заключил союз со Швецией против Англии. Эти действия вызвали ответную реакцию спецслужб Британского королевства. 13 марта 1801 года русский император был убит в Михайловском замке. Взошедший на российский престол Александр I всех участников заговора выслал из столицы. При этом он благоволил к Кутузову и даже назначает его Санкт-Петербургским военным губернатором, затем добавляет ему обязанности инспектора Финляндской инспекции, управляющего “гражданской частью в Выборгской губернии вместе с Санкт-Петербургскою”.

Но царская милость, как известно, не постоянна. Уже в августе следующего года он был уволен от всех должностей и отправлен на год в отпуск “для поправления здоровья”. Глубоко оскорблённый такой несправедливостью Кутузов уехал в своё волынское имение, чтобы заняться всерьёз помещичьими делами и обеспечить существование своей большой семье, втайне мечтая возвратиться к активной государственной деятельности.

Мир, который установился в Европе, был недолгим. Русский дипломат В. Ф. Малиновский справедливо писал в своей книге “Рассуждения о мире и войне” (1803) “Мир... есть токмо отдых от войны, и может справедливее называться перемирием, заключённым без означения срока. Ибо государства и народы между собою тем не токмо что политически и тайно воюют между собою, но и явно готовятся и умножают свои силы, чтобы начать войну с большей жестокостью”. Именно так поступал в это время Наполеон, готовя свою армию к будущим сражениям. Коалиция трёх держав — Англии, Австрии и России — готовилась остановить агрессора. Пятидесятитысячной русской армии, которую направляли за границу, нужен был вождь. О Кутузове, как шесть лет назад о Суворове, вспомнили в августе 1805 года.

Совершив невероятный по скорости движения тысячекилометровый марш-бросок в Австрию, полководец узнал, что Наполеон принудил к сдаче 30-тысячную австрийскую армию генерала Макка. Таким образом, изнурённые походом русские солдаты оказались лицом к лицу с умелым противником, втрое превосходящим их в численности.

В этой сложной, даже критической обстановке в полную меру проявился полководческий талант Кутузова и редкая для генералов того времени способность отменно маневрировать. И хотя его противником был сам Наполеон, мастер военных импровизаций, командующему русской армией не только

удалось выйти из окружения, но и последовательно в течение двух недель октября выиграть 4 сражения. Бой у Кремса (30 октября) продолжался 12 часов, и за него Кутузов был награжден высшим австрийским орденом. Но сами австрийцы на следующий день без боя сдали Вену, чем сильно осложнили ситуацию на фронтах.

Через неделю армия Буксгевдена, пришедшая из России, соединилась с армией Кутузова. Неожиданно два императора – Франц и Александр – решили дать сражение Наполеону. Мнение русского полководца их не интересовало. Кутузов считал, что рано ещё атаковать Наполеона. Необходимо было завести французов подальше, измотать в оборонительных боях и, усилив свои войска резервами, разгромить окончательно: "...чем далее завлечём Наполеона, тем будет он слабее, отдавится от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов". Но выполнить этот план ему удастся только через семь лет ... в глубине России.

21 ноября состоялось печальное знаменитое сражение при Аустерлице. Наполеон, зная о замыслах противника, сосредоточил в центре фронта свои основные силы, врезался в середину союзнической армии, развалив её на две части, зашёл в тыл и разгромил. Русские потеряли 21 тысячу человек, австрийцы – 6 тысяч.

Кутузов, переживая поражение русской армии, не винил себя. Спустя годы, гоня французов из России, он, увидев отбитое у французов знамя "За победу над Аустерлицем", сказал: "После всего, что совершается теперь перед вашими глазами, одной выигранной мною победой или одной понесённой мною неудачей больше или меньше, всё равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении".

Полководец проявляется не только в благоприятных условиях, но он показывает свои способности в стеснённых обстоятельствах, на которые была щедра кампания 1805 года. Кутузов явил себя знатоком военной теории и практики, мастером стремительных манёвров, и не его вина в том, что он был связан по рукам и ногам жёстким регламентом верховного руководства, в первую очередь австрийского, которому вынужден был подчиняться по приказу императора Александра I.

Победа Наполеона привела к распаду союза трёх держав: Австрия заключила мир с Францией в Пресбурге 14 декабря 1805 года.

Русская армия вернулась на родину, но Кутузов понимал, что это только первое действие драмы. Во втором действии – войне 1807 года – он не участвовал. Полугодовая борьба с Наполеоном – на этот раз за прусские интересы! – оказалась проигранной, а унижительный Тильзитский мир вошел в историю сокрушительных поражений. Россия и во времена Екатерины Великой не позволяла себя унижать, поэтому русский царь затаил обиду на корсиканского узурпатора, нарушителя общепринятых норм морали и монархических свобод. Война между двумя империями становилась неизбежной.

Международное и внутреннее положение Российской империи к началу 1811 года было неустойчивым и тревожным. Усиление русского присутствия в Закавказье вызвало в 1804 году девятилетнюю войну с Персией и требовало для реализации активных действий присутствия целой армии. Сближение Франции с Османской Портой в октябре 1806 года, а точнее – желание Наполеона досадить России привело к шестилетней войне с Турцией. Континентальная блокада Англии, к которой Александр I вынужден был присоединиться в результате заключения Тильзитского мира, наносила непоправимый ущерб промышленности и финансам страны. В обществе обозначилось раздражение политикой правительства. Попытка прорвать блокаду вызвала гнев диктатора Европы. С наполеоновской Францией намечался окончательный разрыв: к войне начали готовиться оба государства. Российский император понимал, что вести войну на три фронта невозможно. Необходимо было умелыми военными действиями как можно быстрее вынудить Турцию сложить оружие. Главнокомандующим Молдавской армией был назначен молодой генерал Н. М. Каменский, хорошо проявивший себя в войне с Финляндией. Но на южном фронте он потерпел несколько поражений: неудачные осады Шумлы и штурм Рущука не составили славы тридцатипятилетнего полководца. Российской империи в ожидании грядущей войны с Наполеоном нужна была яркая победа, которая заставила бы султана Селима III подписать окончательный мир.

7 марта 1811 года заболевший смертельной лихорадкой генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский 2-й снимает с себя полномочия глав-

нокомандующего, и русский император присылает новым главнокомандующим генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Старый генерал, опытный дипломат, хорошо знающий жизнь Востока, он не стал активными вылазками тревожить турецкие войска и занял выжидательную позицию; предварительно он срыл крепости Силистрия и Никополь, а гарнизоны их присоединил к полевым частям. Он, как лев, наблюдал за действиями неприятеля из засады.

1 июня великий визирь из Шумлы с огромными силами двинулся к Дунаю. 22 июня под Рущуком Кутузов внезапно атаковал 60-тысячную турецкую армию и разбил её. Но, выполняя свой хитрый план, нарочито показывая свою слабость, через пять дней он оставил Рущукскую крепость, переправился на левый берег и расположился около местечка Слободзее. Два месяца стояли две армии друг напротив друга, испытывая выдержку и нервы. Наконец Ахмед-паша, убедившись в нерешительности командующего русской армией, переправился с сорокатысячным войском на левый берег. Кутузов немедленно приказал выстроить редуты против турецких войск полукругом, чтобы ограничить действия Ахмед-паши. 1 октября Кутузов приказал генералу Маркову перейти тайно на правый берег, чтобы отрезать сообщение врага с Рущуком. Семитысячный корпус Маркова мастерски исполнил свою задачу: он застал турок врасплох и захваченными в бою пушками расстрелял турецкий лагерь. Лучшие части турок были обречены на гибель. Мудрый план Кутузова, провозвестник будущих действий его в борьбе с Наполеоном под Москвой, сработал безотказно. После пленения своей армии султан был вынужден согласиться на все предложения России и перестал быть союзником Франции. За месяц до начала войны с Наполеоном 16 (28) мая 1812 года в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому граница между империями была установлена по реке Прут до её впадения в Дунай и далее – по левому берегу до впадения его в Чёрное море.

Как писал позднее историк Евгений Тарле: “Таким образом, Кутузов-дипломат нанёс Наполеону в 1812 году тяжкий удар ещё раньше, чем Кутузов-военачальник”. За эти выдающиеся заслуги в военном деле Михаил Илларионович получает от императора графское достоинство, а за дипломатические заслуги – княжеское.

И всё же знаменитому генералу главное дело всей своей жизни – защиту Отечества от врага – ещё предстоит совершить.

Кутузов был уверен в невероятных возможностях русского солдата, высоко ценил его способность жить и побеждать. В сообщении военному министру о знаменитом сражении под Слободзеей, где была одержана решительная победа над противником, превосходящим наши войска более чем в два раза, он писал: “Прежде ещё до окончания дела, уверенность в победе была написана на их лицах, я во всём видел истинный дух русских”. С этими мужественными солдатами ему предстояло ещё одно великое дело, которое принесло им вечную признательность потомков и бессмертие вождю их. Впрочем, как говорил блистательный русский офицер князь Николай Кудашёв: “Всё может случиться, когда имеешь предводителем гения...”

С самого начала войны с Россией Наполеон искал генерального сражения. Он любил одним мощным ударом нокаутировать армию соперника и победно навязать ему свои условия мира. Так было доселе всегда. Но на этот раз получилось иначе. Зная по предыдущим сражениям мужество русских полков, уверенный в собственной непобедимости и в храбрости своих солдат, имея трёхкратное превосходство в численности войск, он не учёл отважной решимости Александра I идти до конца, чтобы отстоять свободу своего Отечества. Более того, он не ожидал, что народная война, с которой он впервые столкнулся в свободолюбивой Испании, приобретёт ещё больший размах в суровой России.

Разделённые 300-километровым расстоянием две армии, возглавляемые умелыми генералами Барклаем де Толли (127,5 тысячи, Виленская губерния) и Багратионом (40 тысяч, Гродненская губерния), представляли лёгкую добычу для 600-тысячного воинства Наполеона (в составе Великой армии было 491,9 тыс. пехоты, 96,6 тыс. кавалерии, 21 тыс. человек артиллерийских и инженерных войск, 37 тыс. нестроевых солдат). Бонапарт надеялся разгромить русские армии по отдельности в течение месяца, потому обеспечил свои войска четырёхдневным запасом хлеба и двадцатидневным запасом

муки, в полной уверенности, что остальное сумеет отнять или купить у местного населения.

Стратегической задачей русских войск было соединение двух армий, что и произошло под Смоленском. Отступление было совершено с великим мастерством: упорные арьергардные бои, засады, умелое маневрирование. Наши потери были таковы: 10 тысяч убитых и 25 тысяч раненых и отставших. Французы потеряли 80 тысяч человек. В завоёванных городах они вынуждены были оставлять гарнизоны, чтобы не прерывать коммуникации. Их войско таяло. К Бородинскому сражению французская армия пришла в составе 145 тысяч человек, а русские – 113 тысяч.

Отступление и разногласия между Барклаем де Толли и Багратионом в понимании способов ведения войны показали, что во главе русской армии должен был встать авторитетный полководец. Таковым был в ту пору только Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев. Собственно говоря, за него проголосовал народ, избрав его руководителем ополчений в Санкт-Петербурге и в Москве. Понимал это и император. В письме к своей сестре Екатерине Павловне он сообщал: “. . . Я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос”. Это решение далось ему в мучительных размышлениях, ибо император не доверял Кутузову. Но дело шло о судьбе России, о его собственной судьбе, и он превозмог себя, дав старому генералу полную свободу действий, о чём Кутузов так мечтал под Аустерлицем, но запретил ему лишь одно: вести переговоры с Наполеоном о мире.

Новый главнокомандующий догнал вверенную ему армию 17 августа в 170-ти километрах от Москвы, в Царёво-Займище, где Барклай де Толли решил дать бой Наполеону. Осмотрев позиции, Михаил Илларионович велел отступить. Он понимал, что необходимы решительные действия, но видел, что армия не готова к генеральному сражению: ей нужен был отдых и подкрепления. 16-тысячный отряд, который под командованием его любимца, отчаянного генерала Милорадовича только что присоединился к армии, состоял из необученных солдат. Он надеялся на то, что московский губернатор Ростопчин сдержит своё обещание и выставит надёжное ополчение. Но получил ещё 15 тысяч таких же новобранцев. Необходимо было скоординировать действия всех сил. Он дал указания командующим 3-й Западной армией генералу Торماسову (44 тысячи солдат) и Дунайской флотилией адмиралу Чичагову (около 50 тысяч человек) перейти к активным действиям и сблизиться с основными силами. В письме к Тормасову он писал: “Теперь не время думать об отдалённых экспедициях, а всё внимание останавливать быстрому ходу неприятельскому, а потому и армия, вам вверенная, обязана действовать на правый фланг стремящегося неприятеля”. О своих ближайших планах он сообщал Чичагову: “Я, прибыв к армии, нашёл неприятеля в сердце древней России, над Москвою, и настоящим мой предмет есть спасение Москвы самой”.

Утром 22 августа, осмотрев местность в районе села Бородино и найдя её удивительной, Кутузов отдал приказ о строительстве укреплений. Ему понравилось то, что река Колочь своим высоким и отвесным берегом удачно прикрывает правый фланг его армии, а левый фланг находился под защитой мелкого леса и кустарников. Но главное заключалось в том, что выбранная позиция надёжно защищала Новую и Старую Смоленские дороги, ведущие на Москву.

Именно поэтому и было дано Бородинское сражение.

И русские (113 тысяч воинов), и французские войска (145 тысяч) – данные взяты из книги “История русской армии” выдающегося историка А. А. Керстовского – сражались с завидной храбростью и упорством с раннего утра до позднего вечера. Задумывая это сражение как решительный отпор Наполеону, Кутузов выстроил свои войска по хорошо продуманному плану: корпусы были вытянуты в две линии батальонных колонн. Впереди них главнокомандующий рассыпал мобильно действующие егерские полки, а позади расположил в укрытиях сильные резервы, которыми хотел подпитывать действующие батальоны. Он писал: “В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям!”

Насколько удачно были задуманы им контрудары в тыл наступающим наполеоновским войскам, можно судить по стремительному рейду кавалерийского корпуса генерала Уварова и казачьих полков атамана Платова. Этот знаме-

нитый лихой заезд внёс панику в тыл французской армии и заставил самого императора срочно выехать на место сражения. Замысел Кутузова позволил внести смятение в ряды наполеоновских войск и выиграть несколько часов для переброски подкреплений на правый фланг, осаждаемый французами.

К сожалению, второй контрудар, задуманный Кутузовым, не осуществился по вине начальника штаба Беннигсена, который заставил накануне сражения находившиеся в резерве силы 3-го пехотного корпуса генерала Тучкова 1-го выдвинуться из леса и стать за егерскими полками на самом виду, то есть под обстрелом французской артиллерии. О своём решении Беннигсен главнокомандующего не уведомил.

В 6 часов утра 26 августа заговорили французские пушки, и рёв их продолжался 12 часов без перерыва. Так началась знаменитая битва, о которой её участники вспоминали потом с ужасом. Нет смысла передавать все перипетии этого невероятного по ярости и жестокости, по величии совершённых подвигов с одной и другой стороны, невиданного доселе сражения. Да, русская армия покинула поле битвы утром следующего дня, своим уходом дав Наполеону право считать себя победителем. Но это была пиррова победа. И самое худшее для него было то, что с этой “победы” началось его бегство из России. Всё, чего он достиг за 16 лет упорных трудов на бранных полях Европы и Азии, теряет свою цену в течение трагического трёхлетия, разрушившего окончательно созданную им мировую империю. Такого исхода он не мог предположить и в худших своих снах.

Наполеон, не добившись перевеса, ночью отступил. Историк Кер-Портер писал: “Французы отступили с поля боя, когда уже нельзя было различить ни одного предмета”. Действительно, по его заключению, Наполеон отступил на двенадцать вёрст, не останавливаясь, Кутузов же не покинул своих позиций и обещал своим доблестным воинам утром снова атаковать. Но подсчитав ночью количество раненых и убитых, он переменял своё решение.

Потери с обеих сторон были по тем временам ошеломляющими: более 100 тысяч человек. Но учитывая, что русских погибло около 50 тысяч, и среди них много офицеров, что Наполеон так и не ввёл в сражение свой главный резерв — двадцатитысячную старую гвардию, — Кутузов отдал приказ к отступлению по московской дороге в надежде на резервы, которые должны были подойти из центральной России и с Украины.

Бородинское сражение показало, что русская армия имеет превосходных воинов и командиров, и нравственный дух её силён, ибо защищала она своё *любезное Отечество*. Отечественная война 1812 года обострила полузабытое чувство патриотизма. К тому же армией руководил полководец, чьё имя был гарантией выживания в суровых испытаниях и залогом победы над супостатом. Но любовь к нему едва не поколебало тяжкое решение Кутузова оставить Москву. На совете в Филях 1 сентября 1812 года, выслушав все мнения, он с горечью сказал: “Я чувствую, что мне придётся поплатиться за всё, но я жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить”. Этот приказ вначале вызвал разочарование в рядах русской армии. Кутузов 17 сентября узнал о том, что “командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все”. Ещё раньше — 8 сентября — граф Ростопчин, который ратовал за назначение Кутузова главнокомандующим, писал Александру: “...Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию...” Ближайшее окружение императора требовало замены главнокомандующего.

Но известие об этом роковом событии на Александра I не подействовало удручающе. Он ещё твёрже стал проводить свою политику сопротивления обстоятельствам: “Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать!” Этим объясняется его упорное нежелание отвечать на предложения французского императора о заключении мира, которые тот слал русскому императору из пылающей Москвы. Россия поднялась на угнетателя её свободы, притеснителя и разорителя страны. Она имела своего вождя и была уверена в победе. Несмотря на пожар Москвы и на то, что войска оставили её, необыкновенное одушевление охватило русский народ. Бывают такие редкие минуты в истории человечества, когда единодушие в достижении цели охватывает все население страны. Так было в Смутное время — четырёста лет назад. Так было и в наши дни — в 1941–1945 годах, в Великую Отечественную войну.

Гибель Москвы стала очистительной жертвой, принесённой на алтарь российской государственности. Историк Н. К. Шильдер писал более ста лет

назад: “Из современников тяжёлой години не все поняли Кутузова... Только потомству суждено было признать, наконец, в лице Кутузова тот образ, несравненный образ проницательного полководца, который спас Отечество и как бы создан был для той критической минуты, которую переживала тогда Россия, но в то время все бродили в потёмках, один Кутузов имел ключ к спасению империи и понимал, какое он стережёт сокровище”.

В разговоре от 30 ноября 1812 года с интендантом Великой французской армии М. Д. де Пюибюском, пленённым под Красным, русский главнокомандующий признался, что война, предпринятая Наполеоном “против государства, столь обширного, как Россия, есть такая глупость, на которую ни ваши старые генералы, ни Сенат, ни советники не должны были соглашаться”. Он говорил, что уступал войскам французского императора столько пространства, сколько было нужно, чтобы истомить его армию, ослабить и победить её усталостью или голодом. И весьма удивлён был тем, что все его хитрости легко удавались.

Но оказывается, и Наполеон, по мере того как они всё дальше и дальше продвигались вглубь необъятной страны, начинал чувствовать себя марионеткой, которую использует опытный кукловод, заставляя двигаться в нужном направлении.

Именно тогда среди генералов Наполеона зародилось подозрение, что *старый лис* готовит западню для французского волка. А войдя в первопрестольную, не дождавшись ключей от города на Поклонной горе, напуганные многочисленными пожарами, они почувствовали, что западня захлопнулась.

И тут *повелитель мира* заметался. И сделал большую глупость: стал искать возможности передать русскому императору предложение о заключении мира. За 36 дней, которые Бонапарт провёл в Москве, он предпринял три попытки сообщить Александру I о своем желании заключить мир с Россией. Первый раз он сделал это через генерал-майора Ивана Тутолмина, начальника Воспитательного Дома. Буквально следом, не получив никакого ответа, Наполеон уговорил Ивана Яковлева, отца Александра Герцена, отправиться в столицу с письмом к императору. Третью попытку договориться о мире предпринял маркиз Александр Жак Бернар Лористон, бывший посол Франции в России. Кутузов жёстко ответил генералу Наполеона: “Я подверг бы себя проклятию потомства, если бы сочли, что я подал повод к какому бы то ни было примирению; таков в настоящее время образ мыслей нашего народа”.

Да и памятливый Александр I не мог забыть, что он предлагал Наполеону закончить дело миром. Тогда заносчивый корсиканец отказал российскому императору. Кутузов, наблюдая за неудачами Наполеона, тихонько посмеивался, ибо понимал, что он не имеет достаточных сил для продолжения войны. Именно это и предвидел русский полководец, оставляя Москву.

Сидение в пылающем городе, грабежи, мародерство, осквернение храмов, насилие и расстрелы мирных жителей, неопределённость положения, отсутствие дисциплины усилили разложение французской армии.

Русская армия, на 12 дней исчезнувшая из виду французской армии, совершила стратегический марш-маневр на Красную Пахру, восхитивший Наполеона: “...Хитрая лиса – Кутузов – меня сильно подвёл своим фланговым маршем”. Здесь, под Тарутино, воины приводили себя в порядок и получали пополнение. Численность русского войска возросла втрое. Здесь же получила путевку в жизнь новая тактика полководца, которую он назвал “малой войной”: создание партизанских отрядов. Историк генерал А. И. Михайловский-Данилевский писал: “В Тарутино в неимоверно краткое время Кутузов привёл в самое стройное положение армию, утомлённую тысячевёрстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие...” И эта тактика принесла потрясающие результаты, очистив русскую землю от иноземных захватчиков.

6 октября Кутузов отдал приказ о нападении на отряд Мюрата, стоявший на реке Чернишна неподалёку от Тарутина. Разгорелся нешуточный бой, в котором русские победили с большим преимуществом.

Наполеон понял, что Кутузов меняет тактику, и готовился к нападению. Но на самом деле дальновидный полководец хотел, чтобы корсиканец подольше пробыл в ловушке, роль которой сыграла Москва.

На следующий день по приказу императора французская армия из Москвы двинулась по Старой Калужской дороге. В Москве оставался только корпус маршала Мортье. Вечером 20 октября Наполеон послал из своей главной

квартиры в селе Троицком маршалу Мортье приказ оставить Москву и немедленно присоединиться со своим корпусом к армии, а перед выступлением взорвать — полностью снести с лица земли! — Московский Кремль. К счастью для нас, в Кремль проникли русские патриоты, которые не дали совершиться этому злодеянию. Да и небеса, пославшие на землю в этот день сильный дождь, были на нашей стороне.

10 октября, благодаря сообщению начальника партизанского отряда капитана Сеславина, Кутузов узнал о движении Наполеона через Боровск на Малоярославец. Под этим небольшим городком через день и состоялось кровопролитное сражение, которое заставило Наполеона повернуть на старую Смоленскую дорогу, по которой он шёл на Москву. Эта битва разрушила планы французского императора, который рассчитывал двигаться по нетронутым войной областям. Кутузов с этого момента и до перехода через Неман жалких остатков Великой армии чётко контролировал ситуацию. Впереди были торжество русского оружия и бегство Наполеона.

И вместе с тем он, как глубокий политик, не желал окончательной гибели его. Вот что он раздражённо говорил представителю английской короны при русской армии генералу Вильсону, который заставлял бросать новые и новые роты в разгоревшееся сражение под Малоярославцем: “Я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребление Наполеона и его войск было таким благодеянием для Вселенной. Наследство его достанется не России”. Эти слова его объясняют замедленные действия армии под Тарутиным, Красным, Березиной... Защищавший русские интересы в Европе, он был против нового заграничного похода, отнявшего жизни воинов и принесшего огромные затраты населению России.

Лев Толстой в своей гениальной эпопее “Война и мир” глубже всех, кто писал о Кутузове, проник в трагедию последних месяцев жизни Михаила Илларионовича: “Толпа французов бежала с постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергией, направленною на достижение цели. Она бежала, как раненый зверь, и нельзя ей было стать на дороге... Чем дальше бежали французы, чем жалче были их остатки, в особенности после Березины, на которую, вследствие петербургского плана, возлагались особенные надежды, тем сильнее разгорались страсти русских начальников, обвинявших друг друга и в особенности Кутузова. Полагали, что неудача Березинского петербургского плана будет отнесена к нему, и потому недовольство им, презрение к нему и подтрунивание над ним выражались сильнее и сильнее... В особенности после соединения армии блестящего адмирала и героя Петербурга Витгенштейна это настроение и штабная сплетня дошли до высших пределов... Старый человек, столь же опытный в придворном деле, как и в военном, тот Кутузов, который в августе того же года был выбран главнокомандующим против воли государя, тот, который удалил наследника и великого князя из армии, тот, который своею властью, в противность воле государя, подписал оставление Москвы, этот Кутузов теперь тотчас же понял, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него уже нет больше”.

Для полного понимания сложности взаимоотношений императора Александра I и Кутузова приведу любопытный факт, зафиксированный историком А. А. Керстовским. Прусский король, высоко ценивший заслуги Кутузова в победе над Наполеоном, соорудил памятник Кутузову в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона, и просил царя осмотреть его на пути в Россию. Александр I отказался... У императора Александра Павловича были великие достоинства, но были и недостатки...

И всё-таки в моей памяти остаются дивные слова старого воина, видевшего и славу, и унижение, знавшего, что история его оправдает, ибо не для себя он воевал. Он-то точно знал, что за ним на веки вечные останется слава полководца, выгнавшего из пределов Отечества “Бога войны”. Можно себе представить, с каким наслаждением русский фельдмаршал говорил: “Сладко гнать перед собой первого в свете полководца”.

Он знал, что впереди — полный развал Великой армии, заграничный поход русских войск и въезд на белом коне Александра I в Париж. И бурная, но недолгая благодарность Европы освободителям.

Однако генерал-фельдмаршал, светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов этого уже не увидит. 16 апреля 1813 года он умер, исполнив своё предназначение. Прах его покоится в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Имя его священо для русского народа.